

Мария Метелицкая

Всеи сестран

За чужими окнами

Мария Метлицкая

Всем сестрам... (сборник)

«ЭКСМО»

2012

Метлицкая М.

Всем сестрам... (сборник) / М. Метлицкая — «Эксмо»,
2012 — (За чужими окнами)

ISBN 978-5-699-55326-6

Как по-разному складываются судьбы! Бывает, что в пятьдесят муж смотрит на жену с таким же благоговением, как в двадцать, а бывает, что мужчина живет на два дома, искренне считая, что делает счастливыми обеих женщин. У кого-то действительно крепкая семья, а кто-то сохраняет видимость ради детей или из страха перед одиночеством. Многие умеют довольствоваться тем, что есть, и радоваться каждому дню. Но что делать, если ты ждешь от жизни большего и страдаешь от того, что ожидания не оправдываются? Мария Метлицкая уверена: женская мудрость – в умении понять, простить и принять. Ведь никто не знает, сколько кому отмерено радости и печали. Всем сестрам – по-своему.

ISBN 978-5-699-55326-6

© Метлицкая М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Понять, простить	5
Общие песни	20
Привычка жениться	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мария Метлицкая

Всем сестрам...

Понять, простить

Шура помнила эту сцену очень отчетливо: конец декабря, совсем скоро самый любимый Шурин праздник – Новый год. Мягкий морозец и редкий медленный снег, танцующий под неярким светом фонаря. Они идут с мамой на каток, точнее, в «секцию» – как говорит любимая Асенька, Шурина бабушка. Шура – в коричневой старой и тесноватой цигейковой шубе, переделанной в курточку, и вязаных рейтузах. Через плечо, на шнурках, связанных между собой, перекинуты ботинки с фигурными коньками. Фигурное катание Шура обожает, а вот ботинки ненавидит. Они черные, мальчишковые, доставшиеся Шуре по наследству. Конечно, она мечтает о белых, из блестящей и мягкой на ощупь, волшебной кожи, с хромированными крючками, настоящих, чешского производства. Но мама говорит, что это дорого и не по карману. Да и вообще, надо еще посмотреть, какая из Шуры фигуристка. «Может, от слова «фигу»?» – спрашивает мама и заливисто смеется. Шура слегка обижается, но мама ее целует и просит не дуться.

Сегодня мама почему-то сопровождает Шуру, хотя идти до катка от дома всего каких-нибудь пять минут, мимо детского магазина «Смена». Каток – во дворе красного кирпичного дома у метро. Дом в народе называется генеральским. Там и вправду живут военные, да еще «в чинах». Шура видит, как из подъезда выходят толстые важные дяденьки в длинных шинелях и их не менее важные жены – тоже крупные, в богатых каракулевых шубах.

Перед выходом Асенька кричит Шуре вслед:

– Держи крепче мать! Скользко!

Шура отвечает:

– Ага! – И на улице хватается маму за локоть.

Мама «в ожидании» – это выражение бабушки Аси. Она вообще, как говорит папа, любит разные «старорежимные» фразочки. У мамы большой живот. Просто огромный. Через месяц ей рожать. Мама любит пошутить и на вопрос «кого ждете?» отвечает «автобус». И при этом заливисто смеется. Шура держит маму за локоть и заботливо на нее смотрит.

– Гляди под ноги, – советует мама. А Шуре нравится смотреть на нее.

Мама очень хорошенькая. Ну просто красавица. Как бы Шура хотела быть на нее похожей! У мамы большие карие глаза, густейшие волнистые темные волосы и «самый очаровательный курносый нос на свете». Так говорит папа. А на носу – редкие конопушки. Мама очень огорчается, когда с первым весенним солнышком их прибавляется, и начинает их пересчитывать. А папа смеется и чмокает маму прямо в курносый нос. Ему нравится в маме все, это видно без всяких слов. И Шура смущается и отводит глаза, когда видит, как в коридоре или на кухне отец украдкой обнимает маму и крепко прижимает ее к себе. Шура мышью шмыгает к себе в комнату и слышит, как мама вырывается и тихо говорит папе:

– Ну, хватит, Митя, отстань! Сколько можно, ей-богу!

Шуре почему-то становится обидно за отца, и она злится на маму. А вообще у них самая счастливая семья – в этом Шура совершенно уверена.

Шуриному папу зовут Дмитрий Владимирович. Он – хирург в военном госпитале, заведующий отделением и подполковник. Отделение называется «торакальная хирургия». Папа написал по этой теме не одну статью и даже главу в пособии для студентов. Говорят, что он лучший специалист в городе. А это совсем не шутки. Рабочий день у него ненормированный

и редко бывает выходной. Папу могут вызвать на работу даже среди ночи – если кому-то вдруг понадобится срочная операция.

Асенька говорит, что еще он «человек кристальной честности», за консультации и операции не берет не то что денег, но и даже презентов в виде коньяка или конфет. Поэтому и живут они скромно, на одну папину зарплату. Тем более что мама сейчас в декрете. Асенька целый день хлопочет на кухне – варит, жарит и печет. Экономит. Папа очень любит поесть, он говорит, что это – его единственная, из простительных, слабость. А мама злится на папу за то, что он не требует у своего начальства большую квартиру – они живут в крошечной двухкомнатной, а ведь скоро их будет пятеро. Папа все отмахивается и говорит – потом. А мама с вызовом спрашивает: «Потом – это когда?»

Наверное, мама тоже хочет жить в генеральском доме. И носить каракулевую шубу с большим воротником. Но папа еще не генерал, а всего-навсего подполковник, так что жить им в генеральском доме пока не положено. Это Шура объясняет непонятливой маме – так она заступает за отца. Но мама фыркает («Отстань!») и, вздохнув, добавляет:

– Много ты понимаешь!

Шура вздыхает и бросает взгляд на свои коньки.

В раздевалке она туго шнурует ботинки, чтобы не болталась нога, и вылетает на лед. Как ей нравится скользить по ровному, блестящему и гладкому льду! Делать «ласточку», и «пистолетик», и «дорожку». И просто кружиться под музыку!

Мама стоит у бортика и машет Шуре рукой. Потом Шура видит возле мамы высокого мужчину в длинном черном пальто. И еще она видит, как оба они неотрывно смотрят на Шурины «пируэты» и о чем-то оживленно разговаривают. Тут Шура отвлекается на Ладку Самсонову, точнее, на ее костюм. У Ладки, конечно, белые ботинки на крючках и еще вязаная белая юбочка с фестонами по краям, белая курточка из кролика и белый беретик, из-под которого выбиваются светлые Ладкины кудри. В общем, сказочная Снегурка, а не Ладка. Так выглядят по телевизору настоящие фигуристки. Правда, катается Ладка не ах. Тренер ее ругает, но все же Ладкой любитесь – это всем заметно. А вот у Шуры сегодня все получается очень хорошо. Она смотрит на маму, и мама поднимает кверху большой палец.

– Здо€рово!

Шура подъезжает к бортику и вопросительно смотрит на маму. Мамин собеседник улыбается ей и говорит:

– Здравствуй, Шура!

Шура ему отвечает и опять смотрит на маму. Мама говорит:

– Познакомься, Шура, это Андрей Васильевич. Мой старинный приятель.

Шура вежливо кивает.

Потом занятия кончаются, и Шура идет в раздевалку, где Ладка хвастается новым нарядом. Девочки обступают ее плотным кругом, не подходит только Шура – ей противно Ладкино хвастовство.

Шура выходит на улицу и видит, что мама все еще стоит со своим приятелем. Они направляются к дому, и мама объясняет, что Андрей Васильевич пойдет их провожать. Шура удивляется и пожимает плечами. Мама и ее спутник идут чуть впереди, и теперь он держит маму за локоть.

У магазина «Смена» они останавливаются и шепотом о чем-то горячо спорят. Шура стоит в стороне и рассматривает витрину. Потом Андрей Васильевич говорит:

– А пойдем, Шура, заглянем в «Детский мир»? Может, найдем там что-нибудь интересное!

Шура теряется и опять смотрит на маму. Мама машет рукой: иди!

И они идут в магазин. Мама остается ждать их на улице.

В магазине полно народу – это как всегда. Народ снует между прилавками и кассой. Шура немного теряется, а Андрей Васильевич спрашивает, чего ей хочется. Шура смущенно молчит. Тогда он берет ее за руку, и они идут к отделу спорттоваров. Сквозь плотную толпу они наконец пробираются к прилавку. И тут Шура замирает: на полке она видит белые фигурные ботинки. Мягкие даже на вид. С блестящими крючками. У нее начинает учащенно биться сердце, и, осмелев, она кивает: эти!

– Ну вот и славно! – говорит Андрей Васильевич. – То, о чем человек мечтает, обязательно должно исполняться!

Он просит Шуру померить ботинки и даже немного в них пройтись.

– Не жмут? – заботливо спрашивает он.

Шура мотает головой. Потом он долго беседует с продавщицей, и вдобавок к ботинкам та выписывает еще и лезвия, и красивые синие пластмассовые чехлы. Андрей Васильевич берет чек, и они идут в кассу – платить. Но Шурина радость все же омрачена: она боится, что мама расстроится и будет ее ругать. Они получают коробку с коньками и выходят на улицу.

– Дотацишь? – улыбается Андрей Васильевич. Вспотевшая от волнения Шура радостно кивает.

– Купили? – спрашивает мама, и Шура с облегчением видит, что она совсем не сердится.

Теперь Шура абсолютно счастлива. Она идет впереди и гордо несет в руках большую серую коробку. Андрей Васильевич провожает их до дома, и они опять о чем-то долго говорят с мамой. Шура стоит поодаль. Ей не терпится поскорее прийти домой, померить ботинки и показать их скорее Асеньке и папе. Хотя наверняка папы, как всегда, нет дома.

Потом Андрей Васильевич, почему-то вздыхая, говорит:

– Ну, что, давай, Шура, прощаться.

Он протягивает ей руку и смотрит на нее долгим, внимательным и почему-то очень грустным взглядом.

– Прощайся, Шура. – Мама тоже грустно вздыхает. Андрей Васильевич присаживается перед Шурой на корточки, поправляет ей шапку, внимательно на нее смотрит и говорит ей странные слова, которые она почему-то запоминает на всю жизнь:

– Будь здорова, девочка, и будь счастлива. Очень тебя прошу! – И добавляет: – Все твои рекорды еще впереди.

Шура смущается и кивает. Они наконец идут к подъезду, и Шура почему-то оборачивается. Она видит, как Андрей Васильевич пристально смотрит им вслед, кричит ему «Спасибо!» и машет рукой.

Асенька не очень удивляется подарку и почему-то качает головой. Шура на Асеньку даже обижается – та не поделила с ней радость. И еще она, кажется, ругается с мамой: Шура слышит, что мама раздражена и говорит Асеньке, чтобы та оставила ее в покое.

Папе удастся показать коньки только на следующий день – он, как всегда, приходит домой поздно, когда Шура уже, конечно, спит. Вот папа очень за Шуру рад, и это видно. Только почему-то и он вздыхает и грустно на нее смотрит.

А Шура продолжает мечтать. Она представляет, что снимет нелепую шубу и рейтузы, наденет голубую весеннюю куртку и колготки – у нее есть пара эластичных, выходных, – закрутит на голове плотную, тугую баранку – и плавно заскользит по гладкому льду. И будет она похожа на прекрасную Людмилу Белоусову, лучшую фигуристку на всем земном шаре, и никакая Ладка с ней не сравнится.

Скоро Новый год, все начинают готовиться к празднику. Папа приносит живую елку – огромную, под самый потолок – и достает с антресолей ящик с елочными игрушками. Шура разбирает эти игрушки. Больше всего ей нравятся стеклянные фигурки – лыжница, Снегурочка

и Дед Мороз. Шура очень осторожна: игрушки – еще из бабулиного детства, и не дай бог их разбить.

Асенька печет пироги и варит холодец. По всему дому разносятся восхитительные запахи свежей сдобы, лаврового листа и крепкого мясного бульона. Папа раскладывает стол и застилает его нарядной белой скатертью. Мама протирает салфеткой парадные бокалы. В доме пахнет радостью и праздником. А Шура мечтает только об одном: чтобы скорее закончились праздники и она пошла бы с мамой на каток – ей не терпится надеть новые коньки.

Но после праздников маму увозят в роддом – и через два дня она рождает сестричку Катеньку. Из роддома ее встречают папа и Шура – бабуля готовится к приему нового члена семьи: варит обед, делает влажную уборку и проглаживает пеленки. Мама очень бледная и еле держится на ногах. Она целует Шуру и говорит, что роды были крайне тяжелыми. Дома она сразу ложится в постель, и все начинают хлопотать возле Катеньки: кладут ее на обеденный стол, предварительно постелив на него старое детское Шурино одеяльце, разворачивают тугой маленький сверток.

– Какой чудесный младенец! – говорит Асенька.

Шура с ней абсолютно согласна. Катенька – красавица. У нее карие глазки и бровки «домиком», как у мамы, и густые, совсем не младенческие, темные кудри. И еще гладкие атласные пяточки и умильные крохотные пальчики на руках.

– Очень ладная девочка! – говорит Асенька.

А у папы не сходит с лица счастливая улыбка. Мама лежит в кровати и тоже счастливо улыбается. Счастливы все – это очевидно. Но Шуре кажется, что самая счастливая – точно она. Катеньку она любит больше всех. Страшно признаться, но ей кажется, даже больше мамы.

Катенька не кричит, спит ночами и ест по часам.

– Чудо-ребенок, – говорит мама. – Не то что ты, Шурка, орала по поводу и без.

Шура слегка обижается, а бабуля цыкает на маму и стучит пальцем по виску.

Папа теперь старается прийти с работы пораньше, бежит мыть руки и тоже торопится к Катеньке. Он целует ее крошечные бархатные ножки и перебирает отросшие нежные волосики. А Катенька смеется, открыв влажные перламутровые беззубые десны.

Теперь на каток Шура ходит с мамой и Катенькой, которая лежит в глубокой розовой с белой полосой коляске. После занятий все девчонки обступают коляску с Катенькой и, конечно, завидуют Шуре.

Так проходит остаток зимы и весна, а в мае папа снимает в Загорянке дачу. И как только заканчиваются занятия в школе, на большом крытом грузовике все переезжают туда. Папа приезжает на дачу в пятницу вечером, и мама с коляской и Шурой идут встречать его на станцию.

Это самое счастливое время для Шуры. Она скучает по папе, но знает, что он обязательно привезет ей новую книжку или куклу. И обязательно пирожные к чаю. И скорее всего, черешню в бумажном кулке, которую она так любит. Мама будет его ругать за то, что дорогие ягоды, как всегда, помялись. И еще папа обязательно купит Шуре вафельный стаканчик пломбира с желтой розочкой – самое вкусное на свете. Дома Шура торжественно вытащит из холодильника граненый стакан с земляникой, собранной ею собственноручно в лесу, на поляне, специально для папы. Почти полный стакан – ну, не хватает чуть-чуть, самую малость, Шура не удержалась и съела несколько ягод. Спать все лягут очень поздно, потому что будут пить на террасе чай и вести долгие семейные разговоры. У Шуры начнут слипаться глаза, и мама станет ее гнать в кровать, а папа разрешит посидеть еще немного. А в субботу они, скорее всего, пойдут на озеро, а вечером будут печь в золе картошку и, может быть, даже жарить шашлыки, если папа привезет подходящее мясо.

Но очень скоро пробежит-пролетит короткое и прекрасное лето и начнется московская жизнь. Тоже, между прочим, не самая плохая.

Школу Шура любит. Есть, конечно, противные учителя – например, трудяша и ботаничка. Но зато есть и другие – русичка Елена Петровна, сестра одного известного, очень известного поэта-фронтовика. Ах, какие она читала ребятам стихи! Или историчка Надежда Львовна. Ее рассказы о Древнем мире или Крестовых походах слушали, открыв рот, даже отпетые двоечники. А математичка Ида Давыдовна! Даже при всей нелюбви к математике на ее уроках Шуре никогда не было скучно.

Да и вообще, старая, темного кирпича, уютная школа, с густым, словно припорошенным весной снегом, яблоневым садом. Любимая классная руководительница Инна Ивановна. Театральный кружок по вечерам в пятницу. Походы в Третьяковку или в Пушкинский. Какао и пирожки с повидлом в школьном буфете. А вечера патриотической песни в актовом зале, где натерты до блеска полы и вкусно пахнет мастикой? А гулянье во дворе? А «классики», «казаки-разбойники» и «прятки»? И «секретики» из фантиков и цветной фольги, зарытые во дворе...

А еще можно сбегать к метро за фруктовым стаканчиком и поглазеть на цыганок в пестрых юбках, с младенчиками, замотанными в платки и привязанными сзади к материнской спине. Цыганок много, целая стая. Они громко галдят, ругаются между собой на своем языке и продают красные леденцы на палочках – петухов и медведей. Леденцы прозрачные, как стекло, и Шура мечтает их попробовать, но мама ей категорически это запрещает. К цыганкам подходит молодой безусый милиционер и пытается их разогнать, но они совсем не боятся и дружно кричат на него – все вместе.

К метро Шура бежит с Динкой и Розкой, двойняшками. Мама говорит, что они – «бедные девочки». Бедные потому, что очень некрасивые. Шура с мамой спорит и обижается за подружек, но в душе с мамой согласна – двойняшки и вправду совсем не симпатичные. А насчет «бедные» – это вообще смешно. Динка и Розка живут в генеральском доме в большой трехкомнатной квартире, где у них своя комната. Еще у них есть домработница Валя. Мать двойняшек, Белла Арнольдовна, не работает. Она расхаживает в шелковом халате, с кремом на лице и раздает указания Вале. Валя готовит, гладит, убирает квартиру и гуляет с собакой Кузькой. Что делает Белла Арнольдовна, Шура не понимает. Белла Арнольдовна ходит по квартире с телефоном и беседует день напролет. Ей делают массаж, педикюр и маникюр, косметичка и педикюрша ходят к ней на дом. В доме у них красиво и богато – это Шура понимает. На полах – ковры, на стенах – картины, на комоды – вазы.

Отец Динки и Розки – директор магазина «Диета», лучшего, между прочим, магазина в районе. В школьный буфет двойняшки не ходят, а едят на перемене восхитительные бутерброды с ветчиной и копченой колбасой. У Шуры от вида и запаха этих бутербродов кружится голова. Подруги предлагают Шуре половину, но Шура гордо отказывается и бежит в буфет за пирожками. Иногда Шура приходит в гости к сестрам, и девочки предлагают ей испечь печенье или пончики. Несмотря на огромную библиотеку, любимая книга сестер – «Книга о вкусной и здоровой пище», очень тяжелая, с цветными картинками. Девочки увлеченно ее листают и выбирают рецепты. Потом они приступают к делу, и по кухне летает мучная пыль. Печенье, как правило, не получается, и домработница Валя переживает, что они напрасно перевели продукты. Но Белла Арнольдовна девочек не ругает.

В классе случается страшное событие – умирает Лара Орлова. Узкий голубой гроб стоит во дворе Лариного дома на трех табуретках. Лара, худенькая и бледная, лежит в гробу, словно заснувшая принцесса. Снежинки медленно падают на ее спокойное лицо и не тают. Девочки держат друг друга за руки и боятся подойти к гробу поближе. Им и страшно, и интересно одновременно. Лару провожает весь класс и все учителя. Учителя плачут, а дети стоят в оцепенении – они еще не очень понимают, что такое смерть. Шура видит Ларину мать – ее с двух сторон держат под руки, но она все равно оседает на землю.

Потом девочки сидят в детской у двойняшек и обсуждают Ларины похороны. Валя тяжело вздыхает и говорит, что бог дал, бог и взял. Белла Арнольдовна кричит, что Валя темная

и деревенская дура, прижимает к себе детей, плачет и выносит коробку шоколадного зефира. Обед отменяется. Белла спрашивает у Шуры про родителей и Катеньку и, закатывая глаза, говорит, что Шурин папа, такой спе-ци-алист, мог бы жить, как сыр в масле. Она трагически обводит взглядом свои ковры, мебель и хрусталь, вздыхая, прибавляет:

– Есть еще приличные люди на свете!

И непонятно, осуждает она этих самых приличных людей или восторгается ими.

Белла Арнольдовна опять тяжело вздыхает, просит Валю сварить кофе и отправляется в спальню отдыхать.

Шурина мама собирается выходить на работу. Эта тема обсуждается на семейном совете. Папа категорически против. Он считает, что мама должна сидеть дома и заниматься детьми. У мамы свои аргументы – она говорит, что на одну зарплату жить невозможно. Последнее слово, как всегда, остается за бабулей. Она твердо и сухо объявляет, что ни в какой детский сад она Катеньку не отдаст и готова с ней сидеть дома. Мама пытается сопротивляться, но довольно быстро соглашается. У мамы улучшается настроение, она достает из шкафа юбки и блузки, приводит их в порядок – подшивает, стирает и гладит. Расстраивается, потому что пополнила и ни во что не влезает. Папа смеется, говорит, что это знак свыше, и еще говорит маме, что она все равно – самая красивая. Шура с ним абсолютно согласна, а мама почему-то злится и плачет.

Мама идет работать в проектный институт чертежницей. Это очень удобно – институт находится прямо в их доме, только в другом крыле. И даже на обед мама прибегает домой. На маме узкая черная юбочка, голубая, «в огурцах», кофта, и от нее вкусно пахнет польскими духами «Быть может». Шура, кстати, иногда открывает узкий флакончик и капает себе на палец. Очень приятно и пахнет мамой.

По утрам у них сумасшедший дом. Мама, как всегда, опаздывает, носится по квартире, не успевает позавтракать, хватая из кровати сонную Катеньку, начинает ее целовать и почему-то опять шмыгает носом. Папа ждет ее у двери, смотрит на часы и нервничает. А потом хватается за руку, и они наконец уходят.

– Выкатились, слава богу! – вздыхает Асенька и кормит внушек завтраком.

В школе Динка и Розка налетают на Шуру и таинственно шепчут, что в «Детский мир» завезли потрясающие кофты. Вязанные, китайские, с вышитыми на груди розочками. Всех цветов – и белые, и розовые, и голубые, и салатовые. Сказка, а не кофты. Как говорит Белла Арнольдовна, и в пир, и в мир, и в добрые люди. Кстати, она дочкам купила уже по две на каждую, понятно, разных цветов.

– Дорогие, наверно? – осторожно спрашивает Шура.

– А, ерунда, по двадцать рублей, – небрежно отвечает Динка.

«Ерунда!» – вздыхает про себя Шура. Ну, какая же это ерунда? Но после уроков девочки бегут в магазин. Шура замирает: от кофт и вправду невозможно отвести глаз. Шуре нравится бледно-голубая, с синими розами и перламутровыми пуговицами.

Вечером, набравшись духу, подождя, пока мама отдышится и придет после работы в себя, Шура осторожно заводит разговор про вожаделенную кофту. Мама почему-то совсем не сердится, только вздыхает, тяжело поднимается с дивана и говорит Шуре:

– Пойдем.

Потом пересчитывает деньги и откладывает в кошелек двадцать рублей.

До закрытия магазина – полчаса, и народу к вечеру там совсем немного. Шура подводит маму к прилавку, и они начинают выбирать. Мама говорит, что голубая кофта простовата, и если брать, то, несомненно, желтую. Шура вздыхает и соглашается. Желтая определенно лучше, чем никакая. Мама направляется к кассе, а продавщица уже заворачивает в бумагу желтое, в розочках, чудо. Вдруг Шура слышит мамин крик и понимает: что-то случилось. Она бросается к кассе и видит, что мама плачет.

– Кошелек вытащили, Шурка! – говорит мама и вытирает ладонью слезы. Вокруг мамы толпятся зеваки и продавщицы. Все утешают ее, а про Шуру никто не вспоминает. Шура одна-одинешенька со своим горем. Потом мама берет Шуру за руки и резко бросает:

– Идем!

По дороге они обе режут в голос. Папа уже дома. Он сидит за столом и ест жареную картошку. Услышав их рассказ, Асенька всплескивает руками, а папа смеется.

– Тоже мне беда! – говорит он.

Ночью Шура, конечно, не спит. Настроение – хуже некуда. Она еще немножко плачет и под утро засыпает. И снятся ей Динка и Розка, понятное дело, в новых кофтах.

День проходит тоскливо – не хочется ни обедать, ни гулять, ни делать уроки. Вечером приходит папа – совсем не поздно, Шура еще не спит. Он заходит к ней в комнату и кладет на кровать бумажный пакет. В пакете кофта. И не желтая, а голубая. Та самая, из Шуриных снов. Шура бросается к папе на шею и целует его.

– Ты самый лучший на свете! – кричит Шура.

А папа опять смеется:

– Носи, Шуренок, на радость!

И нет человека счастливее, чем Шура. Она меряет кофту и крутится перед зеркалом.

Вскоре случается одна странная история, которую Шура постарается сразу забыть. У метро, куда девчонки побежали за мороженым, она видит маму. Мама стоит с каким-то мужчиной, и он держит ее за руку. Не просто так, а со значением, как сказала бы Асенька. Шура это понимает. Она скорее старается увести двойняшек подальше, чтобы они ничего не заметили. Шура старается об этом не думать, но все равно у нее перед глазами стоят эти двое. Стоят, замерев, и смотрят друг на друга. И похоже, не видят вокруг никого. Мужчина кажется Шуре смутно знакомым, но, положив руку на сердце, она его не очень-то разглядела.

А дома тем временем тоже творится неладное. От Шуры скрывают, но она все видит. Мама часто запирается в ванной и плачет – Шура слышит. Бабуля колотится в дверь, но мама не открывает. А папа, проходя мимо, говорит Асеньке, чтобы та оставила маму в покое.

Потом мама уезжает в командировку. И все это как-то очень странно. Асенька с мамой в ссоре, и папа ходит мрачнее тучи.

– Не останавливай меня, – говорит мама бабуле. – Все равно уеду.

Мама приезжает через несколько дней. С ней творится что-то непонятное. Она то плачет, то смеется, то целует Шуру, то говорит «отстань». Шура беспокоится, что мама болеет, но нет – она снова ходит на работу.

Летом опять снимают дачу. И снова по пятницам Шура с Катенькой встречают маму и папу на станции. Только они оба какие-то грустные. Мама почти ничего не ест, все лежит в гамаке и курит. Папа пьет на террасе чай, и Асенька, вздыхая, говорит: «Ушел из дома покой», а папа ничего не отвечает. Шура все это слышит, но она занята важным делом: нанизывает на нитку ягоды рябины, делает Катеньке бусы.

В августе собираются на море, но ничего не получается. Папа не может уйти с работы – не на кого оставить отделение. Шура и Катенька очень расстраиваются, а мама говорит:

– Ну и слава богу! Не очень-то и хотелось.

В сентябре снова начинается школа. Динка и Розка, заведя Шуру в угол, жарко шепчут ей на ухо, что они, скорее всего, скоро уедут.

– У папы неприятности, – объясняет Динка.

– Очень крупные, – подтверждает Розка, и обе они делают большие глаза.

– Куда уедете? – понимая, что это страшная тайна, тихо спрашивает Шура.

– Туда, – многозначительно хором отвечают сестры и почему-то поднимают глаза к небу.

– Но это же очень страшно! – пугается Шура.

– Страшнее, чем здесь, не бывает, – трагическим голосом отвечают двойняшки.

Шура мало что понимает, но заранее расстраивается – расставаться с подружками ей совсем не хочется.

Она почти совсем забросила коньки – ходит на каток изредка, по воскресеньям, показаться для себя. Теперь ее больше увлекает театральный кружок и факультативы по химии.

Дома совсем грустно: мама больше не поет по утрам, бабуля все чаще мучается давлением, и папа по утрам делает ей уколы. Мама тоже часто берет больничный и подолгу лежит у себя в комнате на диване и просит ее не беспокоить, а папа еще больше проводит времени на работе.

Иногда, примерно раз в полгода, мама уезжает в командировку. Она долго собирается и просит Беллу Арнольдовну, маму Динки и Розки, достать ей консервы, копченую колбасу, индийский чай и растворимый кофе. Это странно, раньше она с такими просьбами к Белле не обращалась. Уезжает она примерно на неделю, и папа отвозит ее на вокзал. Асенька почти совсем не встает. Шура водит Катеньку в детский сад и кружок балльных танцев.

Динку и Розку на комсомольском собрании с позором выгоняют из комсомольцев. Шура на собрание не идет. На классном часе классная объявляет Динку и Розку предателями родины. Шура опускает глаза, а сестры смеются. Динка с Розкой с родителями уезжают в Америку, от греха подальше, как говорит Белла Арнольдовна. Из Америки они присылают Шуре короткие письма на очень тонкой, почти прозрачной бумаге с цветными бабочками в углу. Шура этих бабочек вырезает и наклеивает на обложку тетрадей.

Умирает Асенька – ночью, во сне. Шура помнит, как в голос, громко плачет мама и просит у бабули за что-то прощения. Еще Шура помнит, что в комнате стоит красный с черным гроб и в гробу лежит Асенька, почему-то очень маленькая, совсем как ребенок, только в белом платочке на голове; ее очень трудно узнать, никогда раньше платков Асенька не носила. Но папа говорит, что так положено. Он просит Шуру подойти к бабуле и попрощаться и объясняет, что ничего страшного в смерти нет. Но Шура все равно боится.

На кладбище Шуру не берут, она остается с сестрой. Соседки пекут блины и накрывают на стол – с кладбища все приедут поминать Асеньку. На поминках Шура видит, что мама пьет много водки и папа ее все останавливает, но она продолжает пить. Маме становится плохо, соседка ведет ее в ванную и ставит под холодный душ. А мама вырывается, кричит и зовет папу, но папа почему-то не выходит из своей комнаты. Шуре жалко и маму, и папу и еще неловко за маму. Она горько плачет по Асеньке и всем своим детским сердцем понимает, что прежняя, прекрасная жизнь закончилась безвозвратно и никогда их семья не будет жить спокойно и счастливо.

Да что там счастье! В дом приходит настоящая беда, огромная, как весь земной шар. Мама начинает пить. Она уже совсем не похожа на прежнюю маму – добрую, красивую и веселую. Она запирается у себя в комнате и пьет, а потом целый день спит. В доме нет ни обеда, ни ужина, в доме грязь и разруха. После школы Шура пытается прибраться и сварить обед. Получается плохо – Асенька ничему не успела ее научить. И потом, еще очень много уроков – последний, десятый класс. Вечером она забирает сестру из детского сада и подолгу с ней гуляет, чтобы как можно дольше не идти домой. Катенька хочет есть, и Шура в кулинарии покупает ей булку с холодной серой котлетой и стакан сока.

Папа борется с мамой всеми силами – кладет в больницу и санаторий, делает уколы и кормит с ложечки, объясняет Шуре, что это болезнь, и просит маму пожалеть. Но Шура ничего поделать с собой не может – она почти ненавидит маму, и ей страшно от этих мыслей. Она винит во всем ее, а папу как раз жалеет. Мама ходит по квартире как тень, худющая, с растрепанными волосами и черными кругами под глазами. Шура старается на нее не смотреть. Впрочем, иногда, после больницы, мама приходит в себя – идет в парикмахерскую, красит волосы, покупает новое пальто или туфли, снова красит губы и душит духами. И опять куда-

то собирается. Пакует сумку с продуктами и папиросами, покупает у бабулек на рынке теплые носки и шерстяные варежки. И снова папа везет ее на вокзал.

Шура уже не ребенок, и она отчетливо понимает, что все это какая-то большая и страшная тайна. Какие командировки? Мама давно ушла с работы. Она спрашивает у отца, куда едет мать, а он молчит и говорит Шуре, что это мамина тайна и рассказать об этом должна сама мама. Но разговора не получается – мама возвращается из поездки и снова начинает пить. И опять бродит по квартире как тень.

В августе Шура поступает в МАИ, это совсем рядом с домом. Катеньку папа устраивает в китайский интернат. Теперь Шура забирает сестру на выходные домой, но Катенька ехать домой не хочет. Шура ходит с ней в музей или в кино, и Катенька просит, чтобы Шура отвезла ее поскорее обратно.

Папа очень постарел и изменился. Теперь он еще и преподает студентам – денег, как всегда, не хватает. А нужно многое: путевки в санаторий для мамы, одежда и фрукты для Катеньки, новые сапоги и зимнее пальто для Шуры.

Шуре очень нравится в институте. У них образовалась большая и дружная компания, и после лекций все не спешит расставаться и идут в кино или к кому-нибудь домой. Не зовет к себе только Шура, ссылаясь на то, что сильно болеет мама.

В декабре Шура влюбляется и через месяц выходит замуж. Ей очень хочется уйти из дома и начать свою, взрослую жизнь. Ее молодого мужа зовут Миша, он ее одноклассник. Им так здорово вместе: они бегают в театр на «лишний билетик», не пропускают ни одной выставки и бардовских выступлений по клубам. Замечательно, что у Миши есть своя комната – в коммуналке на Чистых прудах. Там, конечно, пыль и разруха, но Шура наводит чистоту и блеск. В доме все время люди – поют песни под гитару, общаются, и Шура не успевает нарезать винегрет и варить глинтвейн из дешевого болгарского вина.

Живут они с Мишкой дружно и весело, как положено студентам. На выходные Шура старается забрать Катеньку к себе. Иногда, по субботам, к ним заезжает папа, как всегда, с огромной сумкой продуктов. Но в воскресенье они зовут гостей – и опять в холодильнике пусто, однако это их нисколько не огорчает. Домой Шура почти не заезжает. Ее, конечно, мучает совесть, но она все откладывает эти визиты «на потом».

На летние каникулы они большой компанией уезжают в Коктебель. Снимают крошечную душную комнатенку – и удобства их вовсе не заботят. На пляже они играют в волейбол и подкидного дурака, а вечерами пьют во дворе дешевое и кислое молодое вино и жарят шашлыки. Все счастливы и беззаботны, как бывает только в ранней молодости.

Телеграмму о смерти мамы Шура получает за три дня до отъезда. Они бросаются на вокзал и пытаются поменять билет, но страдающих с подобными телеграммами – целая очередь. Они ночуют на вокзале две ночи, и наконец им удается поменять билет. Поезд дополнительный. В нем разбиты стекла и нет постельного белья. Но Шуру это не волнует. Она целый день стоит в тамбуре и смотрит в окно.

На похороны они не успевают. Первое, что Шура видит дома, – отца на кухне. Перед ним – фотография мамы и початая бутылка водки.

– Шуренок! – восклицает отец и, уронив голову в руки, начинает плакать. Шура садится возле него и гладит его по голове. Мишка растерянно топчется в дверях. Они, конечно, остаются ночевать. Отец и Мишка опять пьют, а Шура нарезает немудреную закуску, варит картошку и уговаривает отца хотя бы немного поесть. Он плачет, мычит что-то невразумительное и все время рассказывает, какая красивая лежала в гробу Шурина мать.

Шурина семейная жизнь как-то постепенно начинает терять ясные очертания. Отношения с мужем Мишкой все больше принимают характер дружеских. Им по-прежнему хорошо друг с другом, но все чаще они созывают шумные компании, и все реже им хочется остаться

друг с другом наедине. Оба они чувствуют, что их скороспелый и бездумный студенческий брак дает непоправимую трещину.

Летом Мишка уехал на халтуру куда-то под Керчь, строить пионерский лагерь, а через полтора месяца написал Шуре, что у него закрутился роман с поварихой – студенткой ленинградского педа. Объяснял, что все серьезно, серьезнее не бывает. Но был благороден – в связи с его переводом и переездом в Питер к этой самой девице он написал Шуре, что жить она может в его комнате, только пусть не забывает платить коммунальные.

Шура прочла письмо без волнения и даже удивилась своему спокойствию и равнодушию. Мужа, теперь уже бывшего, она совсем не осуждала и в глубине души была рада такой быстрой и легкой развязке. Она обрадовалась одиночеству и в ближайшее время романов решила не заводить. По выходным забирала Катеньку из интерната, и они ехали к отцу. Все вместе, втроем, они ездили на кладбище. Катенька отреагировала на смерть матери спокойно, видимо, привыкла обходиться без нее. А отец горевал безутешно. Долго не уходил с кладбища и все гладил мамину фотографию.

Шура окончила институт и пошла работать в проектный институт. Работа была монотонная и неинтересная, и ей все время казалось, что она проживает жизнь бездарно и пусто. Год спустя у нее случился служебный роман, но предмет ее воздыханий был прочно женат, имел двухлетнего сына и психически неуравновешенную жену, и потому их встречи были нечасты и печальны для Шуры. Он неловко смотрел на часы, а она расстраивалась и начинала плакать. Время для их торопливых и скомканных свиданий выкраивалось нечасто, и было в них больше грусти, чем радости.

Года через два с начала их романа он попытался уйти из семьи и явился к Шуре с чемоданом, но спустя три недели вернулся к жене. Волевым решением Шура решила с ним расстаться – не тут-то было, спустя пару месяцев все закрутилось по новой. Она отчетливо понимала, что это путь в никуда, одна сплошная боль и потеря здоровья и времени. И конечно, было невыносимо видеть друг друга каждый день.

Шура ушла с работы. Новое место находилось довольно далеко от дома, но она даже была рада этому обстоятельству – приползала домой еле живая, и на дурацкие мысли и страдания совсем не оставалось сил.

Однажды среди недели позвонил отец и попросил приехать. Она приехала после работы, замученная и усталая, но, увидев отца в полном здравии, как-то сразу успокоилась.

Отец жарил на кухне картошку. Шура сняла пальто и сапоги и прилегла на диван, но он позвал ее ужинать. На столе стояла бутылка водки. Отец разложил картошку по тарелкам, крупно нарезал репчатый лук и открыл банку сайры. Потом налил водки – себе и Шуре.

– По какому поводу гуляем? – удивилась она.

Отец не ответил и опрокинул стопку. Потом он долго и молча ел, побрякивая от удовольствия, и молчал. Молчала и Шура. От водки потеплело внутри и еще больше захотелось спать. Наконец отец доел картошку, откинулся на стуле, закурил и внимательно посмотрел на Шуру.

– Есть разговор, Шуренок, – сказал он. И добавил: – Очень важный разговор.

Шура вздохнула.

– Ну, пап, не томи! Сколько можно!

Отец налил себе еще стопку.

– Для храбрости? – усмехнулась Шура.

– Именно так, Шуренок, представь себе. Для храбрости.

Он опять замолчал и прикурил новую сигарету.

– В общем, так, девочка, – начал он. – Только молчи и слушай. И не перебивай, если сможешь.

Шура вздохнула и кивнула.

– Тебе надо ехать в Архангельск, Шура. Незамедлительно ехать. Билет я уже взял. Он на столе в прихожей. Билет удобный – в поезде выспишься. На работе придется взять отгулы, дня на три или четыре, как сможешь.

Шура удивленно вскинула брови.

– Какой Архангельск, пап? Ты о чем?

Отец подошел к окну и открыл форточку.

– В Архангельск, Шуренок, – повторил он. – В Архангельске живет твой отец. Точнее, умирает. Диагноз мне известен. Плохой диагноз, Шура. Очень плохой. Короче говоря, тебе надо успеть.

Отец стоял к Шуре спиной и смотрел в окно.

– Пап! – жалобно сказала она. – Объясни, пожалуйста, пап, ну, я тебя очень прошу! Что за бред, пап! Какой отец, какой диагноз? – Она всхлипнула и закрыла лицо руками.

Отец сел за стол и разлил по стопкам водку – себе и Шуре. Молча выпили.

– История древняя, Шуренок. Такая древняя, что даже древней тебя, – улыбнулся он. – Говорить мне будет непросто. Это мягко говоря. Я прошу одного: слушать и не перебивать. Все вопросы – потом.

Шура кивнула.

– В общем, эта история началась давно. До твоего рождения, естественно. Мама окончила техникум и уехала отдыхать. На море. Денег тогда совсем не было, и Асенька снесла в ломбард свои золотые часы. Поехала она с подружкой, была у нее такая Света Семенова. Потом жизнь их развела, ты ее не знала. Но это и неважно. – Отец встал, подошел к окну и закрыл форточку. – Выбрали они Бердянск, курорт недорогой и обильный. Сняли комнатку в слободке. От моря далековато, но зато дешевле. Купались, загорали. Бегали в киношку – ну, в общем, как обычно. Кавалеры кружились роем – оно и понятно: две молодые, хорошенькие москвички. Да что там хорошенькие – мама была тогда просто красавица. Впрочем, почему тогда? Она всегда была красавица. Всю свою не очень счастливую жизнь. – Отец грустно усмехнулся. – Кавалеры кавалерами, но мама держалась в стороне. Она всегда была осторожна и избирательна. Отпуск подходил к концу, оставалась всего-то неделя. И тут она встретила его. – Отец замолчал и опустил глаза. – Да, его. И совершенно потеряла свою молодую и распрекрасную голову. Ее можно было понять: тридцатитрехлетний красивый мужик, высокий, ладный. В волосах – ранняя проседь. В свои тридцать три – главный инженер большого текстильного комбината где-то под Новосибирском. В Бердянск он приехал на голубой «Волге» – сам заработал, сам купил. Они ездили с мамой на дальнюю косу, на совсем дикий пляж. Пролетела неделя – они не заметили. Нужно разъезжаться – а они не могут разомкнуть рук. Понимают, что это не банальный курортный роман, оба понимают. Но он предельно честен. Сразу, с первого дня знакомства, объяснил ей, что женат. Всерьез и надолго. Есть одна причина – не очень здоровый сын. А если точнее, мальчик серьезно болен, инвалид с детства, еще и слабослышащий – что-то упустили при родах. В общем, полный набор. Да еще и расстояние – сколько верст друг до друга! Он говорил, что любит ее, но будущего у них нет наверняка. Но мама ничего не хотела слушать – она придумывала разные схемы, ей казалось, что все прекрасно можно устроить – в конце концов, самолеты летают, да и поезда еще никто не отменял. Она легко согласилась с тем, что они никогда не смогут быть вместе – ну, в полном смысле слова. Ей было наплевать на расстояния, ее не смущало, что встречаться они смогут крайне редко – хорошо, если в полгода раз. Ее ничего не смущало – она любила и была любима, а это главное. Они разъехались, и началась переписка. Она писала ему «до востребования», а он ей на адрес Светки Семеновой. От Асенки она все до поры скрывала. Через два месяца он приехал в Москву. На два дня. Поселился в гостинице. Она, естественно, у него. Для матери она придумывала всякие легенды. Эта история длилась почти три года – и всякий раз он предлагал ей расстаться и пробовать

устроить свою жизнь. – Отец встал, подошел к плите, налил чайник и поставил его на огонь. – Попьем чайку, Шурка?

Она помотала головой:

– Нет, прошу тебя, дальше.

Отец кивнул и опять сел за стол.

– А потом она забеременела. Тобой. Совершенно сознательно. Он просил ее не оставлять ребенка – не потому, что был подлец, а потому, что имел ужасный опыт – больного сына. А мама и слышать не хотела. Пока она тебя носила, он вел себя безупречно – помогал деньгами и часто прилетал. Она познакомила его с Асенькой. Та, конечно, ситуацию не приняла: взрослый, женатый мужик, Новосибирск, больной ребенок. Вину во всем только его. Высказала ему все – ты же ее знаешь. Он со всем соглашался. Только что это меняло? В общем, ты родилась. Он по-прежнему приезжал и высылал деньги. А бабушка по-прежнему не хотела о нем слышать.

Мы встретились с твоей мамой, когда тебе было полтора года. Случайно, у общих знакомых. Через месяц я сделал ей предложение. В тот день она рассказала мне все про свою жизнь. И еще сказала, что любит того человека, очень сильно любит. Она была абсолютно, безоговорочно честна. Никаких претензий. А я был согласен на любой вариант, на все, только бы она оставалась со мной. Она думала несколько месяцев, а потом согласилась. Конечно, свою роль сыграла Асенька – мы с ней крепко подружились. Она видела во мне мужа, отца и главу семьи. Видела мое отношение к маме и, конечно, к тебе. Это, наверное, и было главное. Тебя я действительно сразу и всем сердцем полюбил. Сначала – как продолжение мамы. А потом – просто, без всяких оговорок. Сразу и навсегда. Ты и вправду была чудесным ребенком – смысленным, послушным и не капризным. Полюбить тебя было совсем нетрудно, ты сама мне в этом помогала. Мама, конечно, все рассказала твоему отцу. Он ответил, что искренне за нее рад. Наверное, ему действительно было бы легче, устрой мама свою судьбу. Но она наверняка ждала от него другой реакции и других слов. А получается, что получила от него карт-бланш. И тогда, только после этого разговора, она дала мне согласие. А я, конечно, был счастлив и совершенно уверен, что все непременно образуется – искренняя и идиотская уверенность влюбленного. В общем, расписались. Свадьбы мама не захотела – оно и понятно. Я, как ты понимаешь, был согласен на все. Жить мы начали вроде бы неплохо... – Отец замолчал и посмотрел в окно. А потом повторил: – Да, неплохо. Мне, признаться, хотелось большего. Впрочем, я знал, на что шел. Твой отец вел себя безупречно: посылал деньги, не приезжал и писем не писал. Короче говоря, делал все, чтобы мамина жизнь наладилась. А потом я тебя удочерил и был совершенно счастлив. И об одном просил маму: чтобы она отказалась от *тех* денег. Брать у кого-то, даже у твоего биологического отца, деньги на свою дочь мне казалось неприличным. О его чувствах я, конечно же, не думал. Он появился спустя несколько лет. Приехал в Москву в командировку. Мама тогда была беременна Катенькой, а ты покоряла ледовое пространство.

Шура усмехнулась.

– Конечно, ничего странного, – продолжал отец. – Он просто захотел увидеть свою дочь. Нормальное желание. В конце концов, он мне не докучал все эти годы, и я все понимал и был совершенно спокоен. – Отец вздохнул и закурил новую сигарету. – Оказалось, что зря. Это в смысле того, что я был спокоен. – Он опять замолчал. – Просто они тогда увидели друг друга – и все покатило к чертовой матери. Вся жизнь. Вся наша такая налаженная и отлаженная жизнь. Теперь он опять стал прилетать. Не то чтобы часто, но мне хватало. – Он замолчал и скомкал пустую сигаретную пачку.

– А я его помню, – сказала Шура. – Вернее, тот день, ну, когда он купил мне коньки. Его самого я помню плохо – какой-то высокий и худощавый дядька. Ничем особенным он мне не запомнился, кроме коньков, разумеется. Я помню, что я тогда сильно смутилась и очень удивилась. Но мама сказала, что это ее хороший знакомый, старый приятель, что ли. В общем, она меня успокоила.

– Я помню, как ты была счастлива, – усмехнулся отец. – И ругал себя за то, что не сделал этого сам. Дурак, кретин, помешанный на своей работе! Ругал за то, что не сообразил, а ты у меня не просила. А ведь это доставило тебе такую радость! И очень обиделся на маму – она не должна была этого ему позволять. Так я думал тогда и, конечно, был не прав. Она ведь тогда не о моих амбициях думала, а о том, что чувствовал он. И это было правильно. А что еще он мог для тебя сделать? И я ревновал ее сильно. Так ревновал, что сердце заходило. Понимал, что она все равно там, с ним, а не со мной. Даже после того, как родилась наша общая дочь. – Он замолчал, встал и опять подошел к окну. – Не приведи господь, Шурка, узнать человеку такие муки. Ты знаешь, я не из тех, кто скулит, но, ей-богу, не приведи господь!

Шура кивнула:

– Я все понимаю, пап. – И, помолчав, добавила: – А все ведь считали, что у нас замечательная семья. Все. И я в том числе. Хорошо же вы замечали следы, – горько усмехнулась она.

– Да нет, Шура, это не совсем так, – ответил отец. – У нас действительно была неплохая семья – без скандалов и претензий друг к другу. Мы понимали, что нужно все сохранить, ради детей, разумеется. А что до моих терзаний – так она ничего не могла с собой поделать. Есть что-то такое, что неподвластно человеку. И в конце концов, повторяю: она ничего мне не обещала и была абсолютно честна. А все остальное – мои проблемы. Эту жизнь я выбрал для себя сам. Давай чаю, а, Шуренок? Тем более что водка кончилась. Хорош я, нечего сказать, – усмехнулся он. – Родную дочь спаиваю! – Он подошел к плите, снова поставил чайник и засыпал заварки в маленький пузатый заварной, с отколотым носиком, еще Асенькин, наследный и любимый. Налил крутого кипятка, накрыл заварной чайник чистым полотенцем («Пусть настоится») и снова сел за стол. – В общем, смириться со всем этим было непросто, а жить дальше было надо. Помогала работа. Ну, и еще ты и Катюха. Иногда мне казалось, что весь этот кошмар вот-вот закончится. Мама как-то постепенно стала приходить в себя. Или мне так казалось, или, точнее, хотело казаться. Хотя нет, так оно и было. Это было понятно только нам двоим – в смысле это была только наша личная, если хочешь, интимная жизнь. Да и потом, все эти хлопоты – ты, Катенька, заботы, дом... Помнишь, она начала тогда вязать?

Шура кивнула. Отец продолжал:

– И вязать, и шить. И училась у Асеньки печь пироги. – Он улыбнулся. – Правда, тесто у нее никогда не всходило, но для этого, наверное, тоже нужен талант. В общем, старалась, как могла. Иногда получалось, но чаще всего нет. И она страдала. Поверь мне, страдала. Пошла на работу, думала, что будет легче. – Отец опять замолчал и открыл новую пачку сигарет. – А дальше... Дальше случилась большая беда, Шура. Очень большая беда. Его, твоего отца, посадили. Было громкое дело, все газеты писали. Хищение в особо крупных размерах, злоупотребление и халатность. Десяносто вторая статья. С конфискацией, разумеется. В общем, пошли обыски и суды. Обыск ничего не дал – у него ничего не нашли и даже удивились, как скромно он живет. Но это роли не сыграло – срок грозил большой, да и дело было показательным. Я уверен, что его подставили – шуровал там главный бухгалтер. Но срок он все равно получил, чтобы другим неповадно было. Правда, немного сыграло роль, что у него был большой ребенок, но все равно хватило – восемь лет. Правда, потом его почти располосовили – пять лет усиленного режима и три года – «химия». Жена его тогда попала в психушку, сына определили в интернат. В общем, представляешь, что с ним было. С мамой. И с нами со всеми. Но что говорить про нас! Смешно. Вот тогда-то и начались мамины «командировки». Ну, это ты, наверное, помнишь. Ей давали свидания, максимум сутки. Жена его ездить не могла. А потом ты знаешь, Шура, что случилось, – мама начала пить. И я был совершенно бессилен – помочь ей у меня не получалось, сколько бы я ни бился. Все дело в том, что она совсем не хотела, чтобы ей помогали. Она оживала, только когда подходил срок поездки, а в остальное время была абсолютно безучастна ко всему. Ну, это ты помнишь – о чем говорить. Еще смерть Асеньки – мама тоже чувствовала свою вину. Она собиралась поехать к нему насовсем

– после того, как его переведут на поселение. И даже сама просила меня положить ее в больницу, понимая, что надо хоть как-то привести себя в порядок. Но получила письмо, где он ей написал, что к нему приехали жена и сын, сняли дом в поселке. Ни врачей, ни условий там нет, но жена приехала, и он ничего с этим поделать не может. Вот после этого мама уже не поднялась – незачем было. Слава богу, ты уже не жила дома и всего этого не видела, да и Катенька жила в интернате. Последние недели были самые страшные – она уже совсем ничего не хотела, ей все было в тягость. Она все время говорила, что устала жить и страдать. И бог ей послал легкую смерть. Смешно говорить, но после последних лет ее жизни это было действительно избавление. – Он помолчал и спросил: – Знаешь, что меня мучает больше всего, Шурка?

Шура мотнула головой.

– То, что я ничего не смог сделать. Ни заставить ее меня полюбить, ни забыть твоего отца. Ни сделать ее хоть капельку, ну самую малость, счастливой. Ни избавить ее от болезни. Ни облегчить ее страданий. НИ-ЧЕ-ГО, Шурка! Я не смог ничего сделать. А говорят еще – сила любви. Значит, у нее она была, эта сила, а мне не хватило. Выходит, что так. – Отец замолчал. – И вообще, в этой истории победителей нет. Одни проигравшие.

– И ты еще винишь себя? – сказала Шура. – А про свою жизнь ты подумал? Про свою исковерканную и покоренную жизнь? Какое чувство вины, пап? Разве ты не делал все, что мог? И даже то, чего не мог? И ты еще казнишь себя? Эти двое сами выбрали свою судьбу.

– А я – свою, – ответил он. – И тоже, заметь, добровольно. Так что виновных искать смешно, девочка. Просто ты должна их понять и простить. А для того чтобы простить, надо хотя бы понять. И тебе самой станет легче жить. Господи, мы ведь с тобой забыли про чай! – улыбнулся он и достал чашки (свою – голубую, с золотым ободком, и Шурину – белую, с желтыми ромашками по краю), налил темную, почти черную, сильно настоявшуюся заварку. Потом достал из шкафа банку варенья и смущенно проговорил: – Вот, Леночка угостила, старшая медсестра. У нее дача в Купавне и большой сад. Говорит, в этом году сумасшедший урожай яблок. Совсем некуда девать.

Потом они долго пили чай и молчали. Отец опять стоял у окна и смотрел на уже темную, почти чернильную улицу. А потом он как-то собрался, подтянулся и повторил Шуре, что надо собираться в дорогу.

– Ты должна поехать, девочка, – настаивал он.

Шура молча мотала головой.

– Должна! – повторил он. – Ты думаешь, его жене было легко просить меня об этом? Но она же это сделала, Шура! И тебе это сделать нужно. В конце концов, ты это сделать просто должна.

– Я? – удивилась она. – Нет, пап. Вот здесь ты заблуждаешься. Глубоко заблуждаешься. Ничего я *ему* не должна. И потом, какие у меня перед ним обязательства? Кто он мне такой, в конце концов?

– Шура, ты уже не ребенок. Ты уже взрослая женщина! Со своей, кстати, непростой судьбой. Кто там знает, как сложится жизнь? А про долги – никто никогда не расплатится по счетам, как бы ни старался. На раздумья времени нет, и я не хочу, чтобы в дальнейшем ты о чем-то жалела или не смогла себя простить. Я понимаю, что тебе нелегко, но я тебя хорошо знаю, девочка, и надеюсь на твоё благоразумие. – Он улыбнулся и положил свою крупную ладонь на Шурину руку.

– Это вряд ли, пап, – ответила она и убрала свою руку.

– Ну, смотри, – вздохнул он. – Тебе решать.

– Я у тебя останусь? – спросила Шура. – Ехать неохота, да и сил совсем нет.

– Конечно! – кивнул он. – В твоей комнате все постелено.

Шура встала со стула, собрала тарелки и чашки и поставила их в мойку.

– Иди, иди, – сказал отец, – я помою.

Она мотнула головой и включила горячую воду.

– Слушай, пап! – обернулась Шура к отцу. – А вот сейчас, сегодня, когда все это уже в прошлой жизни, почему бы тебе не устроить свою судьбу? Ты ведь еще совсем не старый мужчина, полный сил, умный, красивый, талантливый. Кому, как не тебе, а, пап? Нет, правда, послушай!

Он усмехнулся.

– Ну спасибо, конечно, за комплимент. Приятно это слышать из уст молодой и красивой женщины, пусть даже эта женщина – твоя дочь. Я ничего не загадываю, Шурка. Но не подавать же мне свою кандидатуру на брачный рынок, если таковой имеется? И потом, прошлой жизни не бывает, Шуренок, уж ты мне поверь! – Отец улыбнулся, подошел к Шуре и поцеловал ее. – Спать, девочка. Немедленно! Бросай эти плошки к чертовой матери!

В комнате было душно. Шура открыла настежь окно, и тут же ворвался, словно долго ждал этой минуты, прохладный и свежий майский ветер. Шура укрылась одеялом и блаженно вытянула ноги.

«Господи! Как я устала!» – подумала она. И приказала себе отключиться.

– Завтра! – прошептала Шура. Обо всем этом она подумает завтра.

Когда она проснулась, отца уже не было. На кухне, накрытый полотенцем, стоял пузатый бабулин чайник со свежей заваркой. Она умылась, выпила чаю, съела бутерброд с сыром и посмотрела на часы.

«Ну, вот, как всегда, опаздываю», – подумала она. Второпях подкрасила губы, провела щеткой по волосам и накинула плащ, внимательно и критически оглядела себя в зеркало и поправила выбившуюся прядь. «Ну вот – а теперь к метро, и бегом. И хорошо бы, если бы сразу подошел трамвай. Пешком точно не успею». Она протянула руку за ключами и увидела на полочке перед зеркалом почтовый конверт. Она открыла его – в конверте лежал билет на отходящий вечером поезд. В один конец. Она повертела конверт в руках, поразмышляв, положила его в сумочку и выскочила из квартиры.

На улице Шура запахнула плащ – утром еще было прохладно, но в город уже окончательно пришла весна. Она побежала на трамвайную остановку, и, на ее счастье, через пару минут подошел трамвай.

«Успею, – подумала Шура. – Слава богу, не опоздаю».

Ей действительно нужно было многое успеть. И ни в коем случае не опоздать.

Общие песни

Обычно это начиналось так... Впрочем, нет, надо рассказывать с самого начала. Дня за четыре начинали закупать продукты – обстоятельно, по списку. Потом составляли другой список – собственно самих блюд. Они долго сидели на кухне напротив друг друга и что-то бесконечно уточняли, корректировали и даже спорили, но, как правило, всегда сходились во мнениях. Вообще, с годами их взгляды, представления или суждения о чем-либо практически на все совпадали.

Потом мать закатывала рукава – и начинала трудиться. Она вообще ко всему относилась либо очень серьезно, либо очень легко, середины не было. Потом она начинала тревожиться, что не застынет холодец или не поднимется тесто.

Накануне отец ставил в гостиной большой раскладной стол. Когда стол был уже накрыт, мать садилась на стул, тревожно оглядывала то, что на этом самом столе стояло, и трагически произносила:

– Я так и знала: еды мало. Может не хватить.

Отец подходил к столу, на минуту замирал, а потом растерянно, с сомнением спрашивал мать:

– Ты думаешь?

Мать медленно кивала головой. Сын, в который раз наблюдая эту сцену, крутил пальцем у виска, уходил к себе и раздраженно хлопал дверью. Вечное наследственное сумасшествие, страх, что гости останутся голодными.

– Ну, есть как есть! – вздыхала мать и уходила – переодеваться и наводить красоту.

Наконец раздавался первый звонок в дверь.

– Открывайте! – кричала из ванной мать, докрашивая глаза.

Отец, уже в рубашке и галстук, распахивал дверь, а мать выбегала из ванной, тоже уже при полном параде. В узкой прихожей начинались радостные вопли и суета. Отец выдавал заранее приготовленные тапочки, а мать принимала конфеты и цветы. И конечно, объятия и поцелуи. Гости отходили на шаг, придирчиво оглядывая друг друга и хозяев, хлопали по плечам, кокетливо поправляли перед зеркалом волосы, одергивали костюмы и платья. Потом шли на кухню перекурить и обменяться самыми свежими сплетнями. Наконец объявляли полный сбор, и все рассаживались по местам.

Гости оживленно оглядывали стол, просили передать друг другу то заливное, то оливье, подкладывали что-то соседу в тарелку, наливали женщинам в бокалы вина и, конечно же, хвалили мать:

– Ну, ты, Танька, как всегда!

Мать рдела и приговаривала:

– Кушайте, кушайте, мои дорогие!

А «дорогие» делали это с явным удовольствием и искренностью.

Потом опять раздавался звонок в дверь, и все хором кричали:

– Открыто!

Конечно, это приходила Лялька, мамина подружка еще школьных лет и героиня тайных грез ее сына в пубертатный период. У Ляльки и сейчас была талия пятьдесят восемь сантиметров. Опоздания ей прощались: она большой босс, директор рекламного агентства. Жизнь у Ляльки непростая, занята она по горло, и внизу, у подъезда, ее всегда ждал водитель.

Лялька грациозно присаживалась на стул, расправляла складки платья и объявляла, что голодна, как портовый грузчик. Мужики наперебой бросались за ней ухаживать. Она девушка хоть и холостая, но, понятное дело, не одинокая, однако в эту компанию всегда приходила соло.

– Ну их к чертям, – говорила Лялька про своих мужиков. – А то еще привыкнут к хорошему!

Мать гордилась Лялькой и радовалась, что та нашла время и приехала.

– А ты думаешь, я пропущу? Ну и где я еще поем такого холодца? – смеялась Лялька.

Дальше – опять звонок в дверь, и все дружно кричали:

– Гоша!

Действительно, появлялся Гоша, точнее, Георгий Владимирович Быстров, по прозвищу Быстрый, адвокат, владелец адвокатского бюро «Быстров и партнеры». Он, как всегда, был неотразим – костюм, ботинки, портфель, и пахло от него сигарами, дорогой кожей и горьковатым парфюмом. Рядом с Быстрым – очередная блондинка под метр восемьдесят, но на нее никто не обращал внимания. Все пили, закусывали, делились новостями и, конечно, сплетничали. Потом, утолив голод, немного расслаблялись – и наступал час икс.

Отец смотрел на мать, и она кивала: давай! Он вставал, шел в спальню и возвращался с гитарой, потом садился на стул, сосредоточивался и с гримасой на лице, чуть наклонив голову влево, начинал ее настраивать. Отец лукавил: гитара бывала настроена со вчерашнего дня, но ему самому надо было настроиться, и все прощали такое кокетство. Мать называла этот проигрыш «бесамемучас». Наконец он поднимал голову, смотрел на мать, у него темнели глаза и твердели скулы, а мать подтягивалась, выпрямляла спину и сцепляла руки в замок. Отец ей кивал – и она начинала петь. «Надежды маленький оркестрик». Все замирали и переставали есть и пить. Кто-то смотрел перед собой, кто-то – на соседа, кто-то тихо, совсем тихо подпевал. «В года разлук, в года смятений, когда свинцовые дожди лупили так по нашим спинам... – чисто выводит мать, и у всех влажнеют глаза. – И вечно в сговоре с людьми надежды маленький оркестрик под управлением любви».

Мать заканчивала песню, и все несколько минут молчали. Потом кто-то говорил «еще» – и мать начинала петь «Старый пиджак» и «Арбатский романс», потом вступала Лялька, и они вместе, на два голоса, пели «Ты у меня одна». А дальше гитару брал Гоша и, немного фальшивив, что неизбежно вызывало у отца ироничную усмешку, приятным баритоном начинал: «Клены выкрасили город колдовским каким-то цветом. Это значит, очень скоро бабье лето, бабье лето». И эту песню уже подхватывали все.

Потом все недолго грустили, и кто-нибудь, вздыхая, предлагал выпить. Потом мать спохватывалась и начинала суетиться, вспомнив про горячее: беспокоилась, что пересушилась баранья нога. Нога торжественно вносится на блюдо, в обрамлении картошки и маринованных слив. Большим охотничьим ножом отец начинал крушить эту красоту. Встрепенувшись, все опять оживлялись и наперебой протягивали ему тарелки.

– Нога нежнейшая, – выносил вердикт главный знаток и эксперт Гоша Быстрый, завсегдатай ресторанов.

Все опять с удовольствием ели и поднимали тост за мать.

– Ну что, чай? – спрашивала она, глядя на слегка осоловевших гостей.

– Подожди, Танюш, – останавливали материнский пыл собравшиеся.

Все притихали, отец опять брал гитару, и мать с Лялькой (это у них отлажено будь здоров) запевали на два голоса – мать чуть ниже, а Лялька чуть-чуть выше. Они выводили «Ах, эта красная рябина среди осенней желтизны, я на тебя смотрю, любимый, из невозвратной стороны», – и все печально подхватывали, хор становится нестройным, что немного сбивает Ляльку и мать.

После песни все почему-то вздыхали и несколько минут молчали, а потом гитару снова брал Быстрый и, картавя, кривляясь и слегка перевирая слова, пел Вертинского: «Сегодня наш последний день в приморском ресторане, мы пригласили тишину на наш прощальный ужин».

– Гошка, ну ты врешь! – смеялась мать, отбирала у него гитару и передавала отцу.

Тот, чуть подкрутив после Гоши колки, пел, глядя на мать: «Милая моя, солнышко лесное!» И все смущенно отводили глаза, понимая, что сейчас они одни в комнате – мать и отец.

А потом Гоша просил отца спеть про муравья. Отец кивал и, вздыхая, начинал: «Мне надо на кого-нибудь молиться. Подумайте, простому муравью вдруг захотелось в ноженьки валиться, поверить в очарованность свою».

И все видели, как темнеет у Быстрого взгляд, как он вздыхает и смотрит в одну точку, – и все отводили глаза, потому что как-то не очень привычно было видеть поникшего и потерянного Гошу, Георгия Быстрова по кличке Быстрый, владельца адвокатского бюро «Быстров и партнеры». Самого успешного из них.

Впрочем, о чем вы говорите? Кто считал в тот момент промахи и победы? Кто думал, на какой машине и в каком костюме кто при-ехал? Они тогда точно все были равны: успешные и не очень, на «Вольво» или на «Жигулях», одетые с оптового рынка или из бутика с Тверской. Сохранившие размер или расплывшиеся, потерявшие в жизненных боях свои некогда роскошные шевелюры или сохранившие их. Уверенные, что жизнь их прошла не зря, и сильно сомневающиеся в этом. Умеющие брать от жизни все и бредущие по ней тяжело, спотыкаясь и буксуя. Твердо знающие, чего они хотят в этой жизни, и растерянные и растерявшиеся. Они были равны – и они дружно, стройно и уверенно подхватывали:

Каждый выбирает по себе
Женщину, религию, дорогу,
Ангелу служить или пророку,
Каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает для себя
Слово для любви и для молитвы,
Шпагу для дуэли, меч для битвы.
Каждый выбирает для себя.
Каждый выбирает для себя:
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает для себя.
Каждый выбирает по себе.
Выбираю тоже, как умею.
Ни о чем при этом не жалею —
Каждый выбирает по себе.

Они были в тот момент прекрасны – все до одного. И каждый из них твердо был уверен, что он точно, почти наверняка, что бы ни случилось в этой жизни, выбрал по себе. И они остались вместе – основной костяк, ядро, двенадцать человек. Было бы больше – но, увы, кто-то уехал в неблизкие края. Слава богу, еще никого не хоронили. Тьфу-тьфу, не приведи господи!

А мать уже хлопотала с чаем – и все женщины, включая томную длинноногую Гошину блондинку, помогали ей накрывать на стол и резать пирог. А мужчины курили на кухне и о чем-то громко спорили.

Он со стыдом вспоминает, как тогда, в его неустойчивые пятнадцать, даже шестнадцать лет его все это раздражало. Да что там раздражало – просто бесило. С кривой ухмылочкой он присаживался на край стула, заявляя этим сразу: «Я тут у вас ненадолго, и не надейтесь», половиня какой-нибудь пирожок или кусок ветчины, презрительно хмыкал и кривил морду, слушая их заунывные песни и отвечая на их вопросы, смущаясь, когда отец слишком пристально смотрел на мать, а мать как-то по-особенному улыбалась ему. Потом резко вставал, бросал с

издевкой короткое «спасибо» и удалялся в свою комнату. Господи, как надоели все эти «сопли в сахаре»! Он громко хлопал дверью и громко, очень громко включал *свою* музыку. «Металлику», например. Или садился за самопальные барабаны и начинал одурело по ним колотить.

Мать с тревогой смотрела на отца, а тот, тяжело вздыхая, растерянно пожимал плечами.

– Протест! – успокаивал умный Гоша и призывал вспомнить себя.

Одурев от своих барабанов, он хватал с вешалки куртку и выскакивал во двор.

Лет в девятнадцать, когда у него появилась первая серьезная девочка и он впервые начал серьезно сходить с ума, ему захотелось привести ее в дом. Девочка помогала матери накрывать на стол, тонко и красиво нарезала хлеб, подрезала длиннющие стебли роскошных чайных роз, любимых маминых, которые принес, конечно же, Быстрый, Лялька тогда сказала ему, как всегда, со своими хохмочками:

– Верной дорогой идете, товарищ! – и похлопала его по плечу. А потом тихо и серьезно добавила: – А ты молодец! Девочку-то выбрал правильную!

Потом эта «правильная девочка» сидела вместе со всеми за столом и подпевала. Она, конечно, не знала слов, путалась и иногда сбивалась, но он тогда просто смотрел на ее лицо. Просто смотрел – и ему становилось все ясно.

А когда были спеты все песни и съедена баранья нога и когда его девочка, надев мамин передник, мыла на кухне посуду, а отец провожал в передней последних гостей, мать, улыбаясь, шепнула ему:

– Берем?

Он кивнул, почему-то совершенно счастливый.

Вскоре он женился – на этой самой «правильной девочке» – и ни разу об этом не пожалел. Жить они начали сразу отдельно, в квартире бабушки, которую родители немедленно забрали к себе. И он, удивляясь себе, почему-то стал остро скучать по своим. Иногда заезжал по будням, невзирая на пробки и усталость, – так, на полчаса, просто посидеть с матерью на кухне и поболтать обо всем и ни о чем. А уж в субботу они выбирались уже вместе с женой обязательно. Она никогда не возражала.

Своя компания у них как-то не сложилась. Так, пара институтских друзей, один друг школьный. Пара подруг у жены – в основном телефонный треп. Иногда встречались где-то в кафе выпить кофе или пива. Но в гости друг к другу не ходили – как-то не было заведено.

Он спросил однажды у матери, почему это так.

– Вы сейчас очень разобщены, да и жизнь такая – всем не до кого и не до чего, – пожалала она плечами. – Мы жили, а вы выживаете. Ужасно, конечно, но это, увы, данность. Мы – другое поколение, и у нас все по-другому. Раньше были только кухни, где мы собирались, а теперь неограниченные возможности. Правда, по-моему, люди потеряли больше, чем нашли, но это сугубо мое мнение.

Теперь он спрашивал мать:

– Ну когда же вы соберетесь?

И смущенно добавлял, что успел соскучиться «по всем нашим».

Мать отвечала: «Да, да, конечно», но он видел, что с годами им это стало все труднее и труднее. Оба работали – и мать, и отец, оба уставали.

Теперь он вызвался закупать продукты – и мать протягивала ему объемный список. Он привозил продукты и молодую жену на подмогу. И опять все парилось, жарилось и пеклось в четверг и в пятницу, а в субботу они с отцом вытаскивали с балкона раздвижной стол, а его жена ставила на скатерть парадные столовые приборы. Мать опять садилась на краешек стула и опять тревожно осматривала содержимое стола, и складывала руки на груди, тяжело вздыхала и произносила сакраментальную фразу:

– По-моему, мало еды!

Отец подходил к столу, внимательно оглядывал его и задавал один и тот же вопрос:

– Ты думаешь?

И мать медленно и трагично кивала головой.

– Вы сумасшедшие! – кричал он, хватаясь за голову, а его жена смеялась и успокаивала мать.

И снова раздавался звонок в дверь, все хором кричали:

– Открыто!

И отец раздавал в прихожей тапки и развешивал в стенном шкафу пальто и куртки. Мать торопливо докрашивала глаза в ванной, а он на правах хозяина рассаживал гостей по местам.

Снова все с аппетитом ели и нахваливали угощения, и снова все поднимали тосты за мать и за их прекрасный и гостеприимный дом. А он сидел и глупо и счастливо улыбался, потому что имел к этому дому самое непосредственное отношение и очень гордился этим обстоятельством.

Конечно, как всегда, Лялька опаздывала, и, как всегда, Быстрый приходил в умопомрачительном костюме и с очередной умопомрачительной блондинкой, и, как всегда, всем было на нее наплевать. Снова все сплетничали – так, понемножку, – и хвастались фотографиями детей и внуков, и курили на кухне. Как всегда, отец резал тонкими ломтями баранину и спорил с Быстрым, кому достанется самое вкусное – косточка от бараньей ноги. Все вспоминали, кому она досталась в последний раз, и путались в показаниях. Выигрывал всегда Быстрый. Мать говорила, что он наглец, и тот радостно с этим соглашался.

И конечно, отец брал гитару. Минут десять настраивал ее, а потом поднимал голову и внимательно смотрел на мать. Она вся подтягивалась и собиралась, и у нее взлетали вверх брови и светлели глаза – и она начинала петь. Она пела «Надежды маленький оркестрик», и все грустнели и хмурили брови, вспоминая свои «свинцовые дожди», лупившие по их спинам, но твердо знали, что снисхождение будет едва ли. Они это знали наверняка – потому что все уже знали про эту жизнь. И точно знали, что «снисхождения» не будет. А на последнем куплете их лица светлели, потому что они продолжали упрямо верить, что «вечно в сговоре с людьми надежды маленький оркестрик под управлением любви». Они подпевали, как всегда, нестройно и были прекрасны. И он гордился ими.

Потом брал гитару Быстрый и, как всегда немного фальшивя, пел, глядя на свою блондинку: «Зачем мы перешли на «ты»? За это нам и перепало на грош любви и простоты, а что-то главное пропало». Но она вряд ли понимала, о чем пел неисправимый романтик и, несмотря ни на что, наивный простак Гоша Быстрый, все еще надеющийся на большую любовь.

Снова чистым и низким голосом подпевала матери одинокая красавица Лялька. После он, сын, немного смущаясь, брал в руки гитару и запевал, глядя на свою молодую жену, – а она улыбалась и проводила рукой по его волосам.

Он пел о любви – потому что он очень любил их всех: и своих родителей, и свою жену, и всех этих немолодых и родных людей, которых знал всю жизнь. Он пел о любви – потому что все песни, в конце концов, о любви. И еще, конечно, о дружбе, верности, надежде и чести. Собственно, обо всем том, чему учили его всю жизнь. И все они, все двенадцать человек – костяк, ядро, все, кто не пропал в житейских бурях, все те, кто по-прежнему вместе, теперь уже, ясное дело, навсегда, такие разные и в чем-то, безусловно, похожие, – дружно и нестройно подпевали ему.

Привычка жениться

Яша Берендикер был мал ростом, почти тщедушен, лысоват и носовит. Но это не мешало ему слыть большим любителем женского пола. Впрочем, почему слыть? Так оно и было. Женщин он любил трепетно, горячо и пылко – словом, вкладывал в этот процесс душу и сердце. Ну и тело, разумеется. Женщины, надо сказать, его тоже без внимания не оставляли, чувствовали, видимо, искренность намерений. Яша был нежен, щедр, галантен, заботлив и услужлив: дарил цветы, не скупился на подарки и приносил кофе в постель. К тому же у него водились деньги, и неплохие, между прочим.

Яша работал фотографом. Служил сразу в нескольких журналах, газетах и фотоателье, здоровье, слава богу, позволяло. К тому же у Яши была престарелая мама, которую он очень любил, боготворил, можно сказать. Мама родила Яшу в тридцать девять, с большим риском для здоровья. Он считал себя большим жизнелюбом и был очень благодарен маме за то, что она, несмотря на запреты врачей, его родила.

Мама, конечно, мечтала, чтобы Яша поскорее женился – все-таки человеку уже за тридцать. И даже намечтала ему невесту – девочку тихую, скромную, разумеется, из хорошей семьи, маленькую, худенькую, кудрявую и кареглазую. Она приняла бы невестку всем сердцем и с дорогой душой, научила бы ее готовить фаршированную рыбу, форшмак и бульон с клецками. Но вкусы Яши и мамы категорически не совпадали. То есть абсолютно, вплоть до полного и тотального разногласия. Маме смириться с этим было трудно, почти невозможно, но она стойчески терпела и надеялась на лучшее. Яше нравились совсем не те женщины. В душе он понимал, что мама, скорее всего, права, но ничего поделать с собой не мог. Природа брала свое: Яше нравились женщины яркие, крупные и высокие. Очень высокие. Впрочем, рядом с ним казаться высокой было нетрудно.

Со своей первой женой Яша познакомился на улице – та ловила машину. Когда Яша увидел ее на кромке тротуара, у него перехватило дыхание, и он резко затормозил. Это была высокая и довольно полная блондинка с большой грудью и голубыми глазами. Познакомились, разговорились. Ее звали Ольгой, и она была певицей из русского народного хора – пела в кокошнике и сарафане. Она рассказала, что живет с бывшим мужем в комнате в коммуналке. Муж-баянист – мерзавец и сволочь, таскает баб домой. Ольга в это время сидит на кухне. В общем, жизнь не сахар. К тому же вечные гастроли по провинции, холодные клубы, Дворцы культуры и воинские части. Яша слушал Ольгу, и у него рвалось сердце.

Назавтра решили встретиться. Яша пришел с букетом белых роз и пригласил ее в «Арагви». Заказал все, что можно, не скупился. Ольга оглядела стол, сглотнула слюну, уселась поудобнее и стала жадно есть. Яша смотрел и любовался. Хороший аппетит говорил о крепком душевном и физическом здоровье. Ольга не без удовольствия выпила триста граммов водки – еще бы, под такую закуску!

После «Арагви» Яша повез Ольгу домой. Долго целовались в машине. Она сморкалась, плакала и низким грудным голосом громко, очень громко пела Яше «Миленький ты мой, возьми меня с собой». У Яши от жалости рвалось сердце, но «взять с собой» было некуда.

И Яша начал действовать. Каждую неделю он объезжал детские сады и фотографировал детей. В день съемки мальчиков и девочек приводили в нарядных платьицах и костюмах. Яша сажал их на стул и давал в руки медвежонка или куклу, обещал, что вылетит птичка. Дети испуганно и торжественно замирали. Родителям он обещал, что если фото не понравится, то его можно будет не забирать и денег не платить. Это многих подкупало – и фотографии почти все с удовольствием забирали. Кому не хочется иметь дома лишний снимок любимого чада? К тому же халтурщиком Яша никогда не был.

Деньги потекли не речкой – рекой. Через полгода Яша купил квартиру у отъезжавшего на историческую родину дальнего родственника. По тем временам покупка квартиры была делом доступным. Квартира оказалась во вполне приличном состоянии и даже с мебелью (разумеется, за отдельную плату).

Ольга зашла в квартиру, села на стул и расплакалась, и у Яши от жалости и любви разболелось сердце. Она разобрала вещи, сварила кислые щи и предложила Яше сходить за бутылкой – отметить новоселье. А что, вполне нормальное желание.

На радостях Ольга крепко и много выпила – Яша был совсем не по этой части – и громко исполнила весь репертуар своего родного хора. Пела долго, с чувством и со слезой, а потом заснула прямо за столом. Яша с трудом, почти волоком, перенес ее в спальню. Она на минуту открыла глаза, с умилением взглянула на него, чмокнула его в нос, прошептала «миленький ты мой», икнула и, мощно всхрапнув, опять крепко заснула. Яша подумал, что Ольга, как Россия, – необъятная и непредсказуемая, и за это он любил ее еще больше.

Жили они хорошо, не скандалили, не ссорились. Ольга часто уезжала на гастроли – Яша ее жалел и предлагал бросить работу. Она не соглашалась, говорила, что еще не напелась. Яша встречал жену из поездок, жарил курицу и наливал теплую ванну с душистым шампунем. Когда Ольга выходила из ванной, он вытирал ее большим пушистым полотенцем, укладывал в кровать и укутывал одеялом. На стене плотным рядом висели ее фотографии – и на сцене, в костюмах, и в домашней обстановке.

Конечно, Яшина мама была недовольна: страдала со всей страстью и силой материнского сердца. Но что мама могла поделать? Только смириться и молиться. И это она самозабвенно и делала. В конце концов молитвы возымели действие – Ольга ушла от Яши, точнее, сбежала. В Гаграх, на гастролях, сошлась с метрдотелем местного ресторана Гиви Левановичем. Отбила короткую телеграмму: не ищи, бесполезно, вещи отправь с проводником.

Яша сначала хотел было ехать в Гагры разбираться с Гиви Левановичем, но потом передумал. В конце концов, если Ольга счастлива... И вообще, он желал ей только хорошего. Такое вот благородство и сила любви.

Яшина мама была счастлива и благодарила бога и опять с усердием принялась через знакомых искать сыну невесту, даже обратилась к свахе. Варианты, надо сказать, появлялись, и очень неплохие. Но Яша даже не хотел смотреть фотографии невест. Он тосковал по Ольге, правда, как оказалось, недолго. По совету друзей, от отчаяния и душевной боли он занялся спортом (убеждали, что поможет). Яша купил ракетку, белые шорты, бейсболку и еще абонемент на теннисный корт. Яша вышел на корт, расчехлил ракетку и через десять минут пропал – увидел ее. Вернее, ее ноги – стройные, загорелые и бесконечно длинные – до горизонта. У него заныло сердце. Потом он увидел ее в буфете: крупными глотками, откинув назад голову и открыв взору сильную, упругую шею, она пила воду из бутылки. Яша сидел за соседним столиком и любовался. Выпив всю воду, она со стуком поставила бутылку на стол, огляделась и, поймав Яшин встревоженный взгляд, широко улыбнулась, обнажив крепкие, со щербинкой, зубы.

Он посмотрел – рядом никого не было, значит, она улыбнулась ему. Он подошел к ее столику и предложил выпить кофе. Она еще раз улыбнулась и сказала, что это хорошая мысль, только она будет чай или сок, потому что кофе не пьет – спортивный режим. Яша взял два стакана сока, морковный и яблочный, а она рассмеялась и предположила, что он хочет, чтобы она лопнула. Яша смутился и представился, кивнув по-гусарски головой. Она ответила, что ее зовут Таня. Яша подумал: «Татьяна и Ольга» – и не к месту вспомнил «Евгения Онегина».

У Тани было скуластое, обсыпанное крупными веснушками лицо и задорный, курносый нос. Яша доходил ей примерно до подбородка. Поговорили о том о сем, и Яша отвез ее домой, робко предложив завтра встретиться. Она согласилась.

Вечером следующего дня Яша с букетом белых роз ждал Таню у подъезда. Она вышла расстроенная и дерганая, вытирая ладонью злые слезы. Он спросил, в чем дело, но она только отмахнулась.

Поехали в «Арагви». Таня долго изучала меню и наконец заказала себе свежий салат и мороженое и принялась без особого удовольствия ковыряться в салате вилкой. Яша расстраивался, что у Тани плохой аппетит. Она отмахивалась: режим. Таня была профессиональной теннисисткой, то есть спортсменкой. Говорила, что склонна к полноте и поэтому очень следит за весом. Взяли бутылку «Киндзмараули». Таня выпила половину бокала и сразу захмелела – спортивный режим.

Она рассказала, что живет с маленьким сыном Петькой и родителями в крошечной двухкомнатной квартире. Еще частенько заходит сильно пьющий брат. Заходит на неделю или на две, поссорившись с законной. Пьет с горя без продыху, вместе с ним и батя. На второй неделе присоединяется мамаша. И все они дружно грызут Таню за то, что она родила без мужа. В общем, мрак и жуть, хоть из дома беги – а бежать-то некуда. Хорошо еще, сборы выручают – там хоть можно отоспаться, но душа болит за Петьку – как он там без нее?

Яша слушал Таню, и у него ныло сердце – конечно, от жалости. Потом он повез ее домой, и они долго целовались в машине. Яша даже немного устал и вспотел, а Таня все никак не уходила.

– Маленький ты мой, хороший такой! – словно удивлялась она и гладила Яшу по голове.

Через месяц он перевез Таню к себе, естественно, вместе с сыном Петькой. Петька был рыж, вихраст и конопат, носился по квартире как подстреленный, поливал из-за угла Яшу из водяного пистолета, залепил замочные скважины пластилином, засветил пленку в Яшином фотоаппарате, писал мимо унитаза. Но Яша его полюбил. Через три месяца расписались.

Яша прописал Таню к себе и усыновил Петьку. Теперь вихрастый, конопатый и курносый Петька носил фамилию Берендикер. В квартире стояли в рамках Танины фотографии – на корте и дома, с Петькой и без. Яшина мама, конечно, была в ужасе, особенно когда они всей семьей приходили к ней в гости, а маленький Петька устраивал показательные выступления. Мама опять горячо молилась и просила у бога справедливости.

Яша с Таней жили хорошо. Иногда, правда, спорили по поводу Петькиного воспитания. Тане не нравилось, когда Яша делал Петьке замечания. Чтобы ее не травмировать, Яша откладывал воспитательный процесс на время Таниных отъездов на сборы – тогда он учил Петьку мыть посуду и поднимать крышку унитаза. В пять лет благодаря Яше Петька уже довольно бегло читал и решал простые задачки по арифметике. Яша варил ему кашу на завтрак и суп на обед. Таня приходила с тренировок усталая, садилась на кухне на стул и вытягивала на табуретке свои божественные ноги. Яша подходил, делал ей массаж и мечтал, чтобы скорее наступила ночь.

Первого сентября Яша отвел Петьку в первый класс, Таня была на соревнованиях. И в первый же день, придя за Петькой после уроков в школу, выслушал от учительницы кучу замечаний по поводу поведения ученика первого класса «А» Берендикера Петра. Он Петьку пожурил, но все-таки повел в кафе-мороженое, убеждая, что начало занятий в школе – большой праздник.

Таня приехала с соревнований с хорошими результатами и блуждающими глазами. Ночью, когда сильно соскучившийся Яша обнял ее и прижал к себе, она в голос заплакала и призналась, что она влюбилась и изменила ему. До утра они плакали вместе. Яша утешал Таню и умолял не расстраиваться, Таня утешала Яшу и просила о том же – не расстраиваться. Под утро, крепко обнявшись, они наконец уснули.

Утром Яша сделал Петьке бутерброды и отвез в школу. Вернувшись домой, сделал Тане крепкий чай со смородиновым листом и сварил два яйца в мешочек. Таня еще спала. Они решили поговорить и выяснить все на свежую голову. Яша предложил Тане не спешить и не

пороть горячку, а подождать – может, все рассосется. Таня яростно вертела головой и твердила, что обманывать она его не может, слишком ценит и уважает. Но и завязать со своим баскетболистом тоже не может – это выше ее сил. В общем, решили разводиться.

– А Петька? – спросил Яша.

Таня глубоко вздохнула и опять расплакалась.

– А жилье у твоего хахалю есть? – тихо спросил Яша, подавая ей стакан воды.

– Ты что? – Она укоризненно посмотрела на мужа. – Я же говорила тебе, что он не местный. Из Саратова. Живет в общежитии.

– И где же вы собираетесь жить? – осторожно спросил Яша.

Таня удивилась.

– Здесь, а где же еще? Ты же не можешь оставить ребенка без жилплощади. И потом, здесь же у Петьки школа! – почти с возмущением сказала она.

Яша вздохнул и пожал плечами. Наверное, Таня права. В конце концов, она мать, и она должна думать о ребенке, а не о нем, бывшем уже муже. Яша собрал вещи и в тот же вечер уехал к маме. Петька из своей комнаты крикнул ему: «Пока!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.